

ЗОЛОТОЙ ТЕЛЕЦ, или ТАЙНА ГЛУХАРЯ

Вот уж какой сезон, как только сойдёт в тайге снег, Фрол начинал торопливо собираться в путь. И ничего уже его не могло удержать дома. Весь изведётся, ждёт май месяц. И вот он, май. С вечера ещё раз проверил старенький рюкзак, особо патроны и ружьё, сходил помылся в бане. Всё делал неторопливо, основательно. Теревя рукой свою густую шевелюру, вспоминал: что ещё бы не забыть? Вспомнил, что не положил заготовленных с прошлого года листьев самосада (табака), что висели на чердаке избы. Достал их, вынес на воздух и потёр, отщипнув край листа, — и сразу чихнул, уж больно хорош и задирист был самосад. Это хорошо, в тайге пригодится от гнуса, да и душу отогреет. Прошёл в загон, ещё подсыпал овса лошади, присел на крыльцо, закрутил самокрутку и закурил. Вдохнув дыма, закашлялся — аж слёзы выступили на глазах: заборист был самосад, но всё-таки хорош, по душе.

Луна медленно выкатилась из-за ближайшего покрытого лесом увала — пора отдыхать. Выезжать решил пораньше, потемну, чтобы никто не видел, куда он двинулся в свой путь — в тайгу, ни к чему это. Он сам-один, да и тайгу знал и мог по ней ходить с закрытыми глазами, привык он к ней с детства. Он был в ней как хозяин дома. На этот раз он решил проверить самый дальний угол центральной части Белогорья, горного седого хребта, ныне носит название Кузнецкий Алатау. Там, где вечные гольцы с ледяными вершинами с холодными, промозглыми ночами даже в июле месяце.

Звёзды на небе ещё ярко сияли на небосклоне, когда он поднялся, на ходу выпил горячего чая, запряг своего «воронка» и выехал осторожно, огородами, на еле приметную таёжную тропинку. Дома остались престарелая мать да меньшей братишка. Так что он их увидит только осенью.

Тропинка изворачивалась, уходила на юг, так и надо было: если кто и приглядывает за ним, то сразу и не поймёт, куда держит свой путь Фрол. Версты через две, перейдя небольшую бурливую речушку вброд, он развернул своего «воронка», поехал, ориентируясь по затесям, строго на запад. Путь его лежал к ледяным вершинам Белогорья. Возле ближайшей утрюмой скалы приостановился и долго прислушивался. Нет, ничего подозрительного не заметил, тронулся дальше. Путь был немалый, но дня за три он должен был дойти до того места, где вот уж какой год он ищет, но не может найти золотиносную жилу. А что она там есть, он не сомневался... Находил в округе он по ручьям мелкий золотой песок, но это было совсем не то, что он искал. Однажды он нашёл в желудке у убитого им глухаря золотые камушки, а один из них — с большую горошину, но место, где тот их подобрал, так и не определил. Оставался ещё один горный ручей, который брал начало из горного озера и, пробиваясь через скалы, устремлялся к Чёрному Июсу. Но он был труднодоступным, утрюмым и протекал по ущельям, сплошь покрытым буреломом и многовековыми деревьями. На том водоразделе и узле гор ещё не ступала нога человека.

Скоротав три ночи у костра, на четвёртые сутки, на восходе солнца, он был на перевале, с которого просматривались уже вершины гольцов, где от ледников и начинал своё начало таинственный горный ручей. Никаких троп и следов человека здесь и в помине не было. Это было царство тайги и белых гор. Хрустально-чистый воздух, россыпи камней, холодные родники да орлы и на сотни вёрст — неизведанная многовековая тайга с белыми снежными вершинами неприступных скал. И где-то здесь, Фрол это чувствовал нутром, находилось в камнях золото. То, отчего его бросало в дрожь и горячилась кровь. Золотой телец — он манил и звал его. Озарял, подстёгивал, воодушевлял и, словно невидимая нить, тянул его в эти сумрачные, недоступные горы.

Опустив поводья, не спеша спустившись с каменной россыпи, решил заночевать под раскидистым кедром. Недалеко из-под камней струился небольшой родничок, а вокруг мелкорослых кустов и деревьев было всё заполнено черемшой. Синевато-зеленоватый оттенок стеблей, словно ковёр, покрыл всё вокруг. Весна только пришла в эти края. Развёл костёр, набрал студёной воды и, поставив котелок, закурил. Тишина. Только клёкот пары орланов высоко в небе над ущельем показывал, что и в этом диком уголке жизнь есть. Где-то здесь, в этих местах, он в прошлом году убил глухаря, у которого нашёл золотой камушек в желудке. Но где эта птица его подобрала? Вот в чём загадка. Вспомнил, что в том году бедокурила, ходила кругом и не давала ему покоя медведица с двумя медвежатами да росомаха разворотила ему шалаш и испортила все продукты.

Ночь прошла спокойно. Наутро решил спуститься несколько вниз, туда, где горная речка закручивала свой бег и возле скал намыла песок, попытать удачи. Весь день промывая песок, он не обнаружил ничего стоящего. Нет, не здесь. Но где искать? Тайга большая. Решил по ручью спускаться дальше.

Так проходили день за днём, но фарта не было. Намучившись, пробивая себе дорогу от очередного стана с песчаной косы, по бурелому и чащобнику, взобрался на небольшой, но довольно крутой взгорок. Перед ним растилась большая елань, вся покрытая черемшой, левзеей сафлоровидной; здесь бурливая река раздваивалась: один бурлящий рукав прибивался к обветренным скалам, а второй, тиховодный, делая полуовал и намыв песчаную косу, плавно уходил в сумрачную труднопроходимую чащобу. Подкрадывался вечер, и из-за гор, с которых он спустился, раздавались глухие тяжёлые раскаты грома. Надвигалась гроза. Тайга нахмурилась, притихла.

Всю ночь бушевала непогода. Молнии, ярко освещая притихшую тайгу, пронзали небо, раскаты грома заполняли всё в округе, а с небес обрушился каскад водяной стихии. К утру всё стихло, гроза свалила за соседний перевал и грохотала где-то вдали. Листья на деревьях на восходе солнца сверкали от капелек влаги мириадами солнечных всполохов. Воздух парил

и благоухал настоем высокогорных трав, багульника и пихты. Вода в реке за ночь резко поднялась и, грохоча камнями и неся на себе сорванные с корнем деревья, палки, сучья, безудержно рвалась вниз, на простор. Вся елань была залита бурой кипящей водой, которая, как в котле, клокотала и бурлила. Фрол, поправляя и восстанавливая свой протёкший балаган, бросал косые взгляды на водную стихию. Все планы на день были сорваны. Он намеревался попытать форта и помыть песок на другом берегу реки. Но сейчас о том, чтобы соваться туда, не могло быть и речи, надо было ждать, когда вода спадёт.

В это время из-за скалы сверху, словно опаздывая куда-то, вывернулся в бешеном водовороте громадный кедр, который мчался в мутной воде корнями вперёд; по стволу среди сучьев метался крупный тёмно-бурый медведь и рычал что есть мочи, лапами ухватившись за корни. Как он туда свалился, знали только тайга да горы. Заметив Фрола, он от ярости рявкнул и дёрнулся от корней. Но в этот момент ствол кедра резко развернуло течением вершиной вперёд, медведь ухнул, не удержавшись, задом на корневища дерева, и всё в это мгновение скрылось за поворотом, только рёв медведя известил, что он жив и путешествует по воде и что Фролу не поздоровится, если он его встретит.

Покачав от увиденного головой, Фрол продолжил восстанавливать балаган. Солнце было в зените, земля парила, в тайге было душно, отдавало испариной, но к вечеру потянул ветерок и прохлада окутала распадок, где горел костёр Фрола. Вода спала, река вошла в своё русло, и ничто не напоминало об ночной стихии. На высоте парил орлан, зорко высматривая себе добычу. Смеркалось.

Тайга замирала и затихала до утра, оставляя свободу действий для хищников. Но Фрол зверей не боялся, они не тронут его, он их не задевает, а вот человека в тайге надо бояться и быть осторожным. Своим упорством, тягой к жизни, каким-то неистовым желанием найти золото он походил на крепко стоящий на утёсе под напором ветров кедр. С лохматой бородой, зоркими и какими-то потаёнными глазами, прикрытыми мохнатыми бровями, в рваной рубашке и прожжённых штанах, он не производил образ таёжного

бродяги. От него исходил дух карагаса-старовера, знающего себе толк и дело. Спокойствием и непоколебимостью веяло от него. Тайга была для него родным домом.

Наутро, поднявшись и приоткрыв глаза, долго смотрел сквозь просвет веток в балагане на рассвет и пробуждающуюся тайгу. Всё больше и звонче звучали голоса птиц, всё ярче разгоралось солнце. Потихоньку встал и, выйдя из шалаша, потянулся рукой за ружьём.

На противоположном берегу шумного, но мелководного ручья, впадающего в реку, на небольшой песчаной косе важно ходили пара непуганых здоровых чёрных глухарей и серенькая копалуха. Они собирали камушки из песка и вели себя довольно мирно. Расстояние было убойным для ружья. Прицелившись в глухаря, который отошёл немного к опушке отступившего леса, и выждав момент, чтобы не поранить копалуху, выстрелил. Враз все трое взлетели, двое крутнулись и исчезли в чаще, а тот, в которого стрелял, взлетел раненым, болтая ногами, прямо на скалу, где стоял Фрол с ружьём, и чуть всей своей массой не врезался в него, перелетел через него, свалился в мелкий кустарник и трепыхался там. Подбежав к нему, Фрол поднял его и только тогда понял, что произошло. Он пулей перебил ему кости обеих ног, и они болтались на сухожилиях, а глухарь как стоял, так и взлетел по направлению выстрела.

Но на этом везенье не закончилось: при разделке глухаря в мышечном желудке Фрол обнаружил то, что искал, к чему стремился в этой тайге. Два довольно приличных золотых камушка. От такого форта он аж взопред, он понял, что вышел на место, где может находиться золотая жила или россыпь. От таких мыслей не мог спать всю ночь, ждал, когда наступит рассвет, и только задремала предрассветная синева — он уже перебродил в полутьме ручей и готовил лоток.

Первые же смывы показали, что золото здесь есть. Более месяца провёл Фрол на этом месте, форт шёл ему в руки. Два здоровенных самородка грели ему душу. Он их припрятал на будущее под корнями старого кедра с разбитой молнией вершиной, положив сверху громадный булыжник и замаскировав так, что, не зная, не найдёшь. Да в

кожаной котомке лежало более десяти фунтов золотистого мелкого песка и камушков. Эх, старательская доля! Глаза у Фрола светились. Лето удалось.

Уже в сентябре, при первой пороше, Фрол вернулся усталым домой. Всё сложилось. Рассчитался с долгами, подправил и обновил дом. Жить бы да поживать. Так нет, манит к себе, зовёт и душу рвёт этот чёртов жёлтый металл. Всю зиму промаялся Фрол дома, почернел даже лицом. И как только наступил май, стогоношился и тёмной ночью украдкой уехал в тайгу. Всё предусмотрел Фрол, знал, что за ним следят и караулят, поэтому заехал с другой стороны, обводными путями долго колесил по тайге. Но, видимо, опытными душегубами были и те, кто следил потаённо за ним, — выследили его, не вернулся той осенью Фрол из тайги. Сгинул. Так и не нашли его. Да и про то место разговоров среди горемык-старателей мало было, дороги к золотому месту знал только Фрол, а тайга тайны хранит.

Прошло время, только в соседнем селе заметили люди, что засуетились и разбогатели как-то быстро два охотника-брата: хаты новые рубленые поставили, живность завели, жёнкам да ребятишкам всякой одежды накупили. Да кто что об этом скажет? Откуда у них деньжата появились? Чужая душа — потёмки.

Бывалый таёжник вздохнул, задумался, затем молча подбросил сучьев в костёр. Костёр разгорелся. Подогрев и налив себе и ему душистого чая, я спросил его: «Откуда знаешь эту историю?» Долго молчал кержак, потом поднял слезящиеся глаза, посмотрел на меня и сказал: «Фрол — это мой прадед, а рассказал мне об этом отец». Долго мы в этот вечер проговорили с умудрённым и перенёсшим немало лихостей таёжным затворником. Много интересного рассказал он про своё житьё-бытьё. Под утро, когда костёр уже совсем погас, задремали. Начиналось утро нового дня. Тайга пробуждалась, а нас ждал далёкий таёжный переход.